
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

DOI 10.31029/vestdnc99/16

УДК 811.351.22

СТРУКТУРНО- СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФИТОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ДАРГИНСКИХ ДИАЛЕКТОВ

С. М. Темирбулатова, ORCID: 0000-0001-7526-3831

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы Дагестанского
федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия

STRUCTURAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF PHYTONYMIC LEXIS IN THE DARGIN DIALECTS

S. M. Temirbulatova, ORCID: 0000-0001-7526-3831

Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Federal
Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia

Аннотация. В статье предпринята попытка исследовать структуру и способы номинации фитонимов в даргинских диалектах. Некоторые типы семантической деривации, отмеченные в говорах, являются собственно диалектными, в них реализуются особые семантические связи, отражающие специфику диалектного языка. Именно диалектная фитонимика, на наш взгляд, является наиболее интересным материалом для исследования. Большое разнообразие растений, многовариантность их использования в повседневном быту сельских жителей, включенность в народные сакральные практики и фольклорные мотивы определяют богатство лексико-семантической группы фитонимов в общем составе лексики говоров. Проведенный анализ показал, что выявленные универсальные и уникальные модели метафорического и метонимического переноса являются продуктивными и представляют собой интерес как для теории, так и для практики сопоставительных исследований.

Abstract. This article attempts to investigate the structure and methods of nominating phytonyms in the Dargin dialects. Certain types of semantic derivation identified in these vernaculars are specifically dialectal in nature, reflecting unique semantic connections that highlight the specificity of the dialectal language. Actually, it is precisely dialectal phytonymics that constitutes the most interesting material for research. The great diversity of plants, the multiplicity of their uses in the daily life of rural inhabitants, and their inclusion in folk sacred practices and folklore motifs determine the richness of the lexical-semantic group of phytonyms within the overall vocabulary of the dialects. The conducted analysis has shown that the identified universal and unique models of metaphorical and metonymic transfer are productive and are of interest for both theory and practice of comparative studies.

Ключевые слова: фитонимическая лексика, словообразовательная структура, первичная номинация, мотивация названий растений, вторичная номинация, метафора, метонимия.

Keywords: phytonymic vocabulary, word-formation structure, primary nomination, motivation of plant names, secondary nomination, metaphor, metonymy.

Фитонимическая лексика даргинских диалектов, представляющая собой интересный материал для исследований, лексика, отражающая хозяйственную и культурную деятельность народа, систему ценностей национально-лингвокультурного сообщества, его миропредставление и миропонимание, изучена далеко не в полной мере. В рамках доминирующей в последние десятилетия антропоцентрической парадигмы в языкознании исследование фитонимии в разных аспектах является актуальным. «Народная фитонимия заслуживает самого пристального внимания, ибо это одна из древнейших лексических микросистем, в которой закреплен опыт практического и культурно-мифологического освоения мира растений как части окружающей человека природы» [1, с. 5].

В существующих двуязычных словарях, в диалектологическом словаре даргинского языка эта лексико-семантическая группа не отражена сколько-нибудь удовлетворительно.

Цель настоящей статьи – в выявлении и описании структурно-деривационных закономерностей номинации и семантики фитонимической лексики даргинского языка. Для более глубокого изучения лексико-семантической системы того или иного языка необходимо исследование отдельных ее фрагментов, одним из которых является фитонимическая лексика, в которой отражен многовековой путь познания народом мира природы.

Фиксация и изучение фитонимической лексики – неотложная задача дагестановедения, продиктованная рядом объективных обстоятельств: она может быть утрачена вместе с ее носителями, уходящим старшим поколением. Эта лексика находится под угрозой исчезновения наряду с некоторыми другими малоупотребительными лексическими группами, такими как лексика мельничного дела, кузнечного дела и др.

На сегодняшний день издано несколько статей, посвященных фиксации и характеристике названий растений даргинского языка [2, 3].

Определенное количество названий растительного мира описано в монографии «Отраслевая лексика даргинского языка» [4]. В последние годы опубликовано несколько статей, освещающих флористическую лексику дагестанских языков [5–9].

Растительная лексика даргинского языка отличается большим разнообразием. Это объясняется особенностями хозяйственной деятельности в даргиноязычных районах и большим разнообразием растительной флоры на этих землях, языковой культурой народов, населявших эти районы.

«Фитонимика как объект лингвистических исследований обладает значительным эвристическим потенциалом, так как, во-первых, представляет собой давно сложившуюся объемную лексико-семантическую группу с обширными парадигматическими отношениями, во-вторых, репрезентирует специфику народного мировидения и культурных традиций в области взаимоотношений «человек-природа», в-третьих, переносные значения фитолексики являются источником одного из продуктивных видов метафоры – фитоморфной. Эти факторы обеспечивают востребованность лексико-семантической группы названий растений и их частей в качестве материала исследований различной аспектализации», – пишет исследователь фитонимической лексики русского языка И.В. Лукьянова [10, с. 59].

Лексикографы отмечают, что фитонимическая лексика является одной из самых сложных тематических групп для сбора [11, с. 16]. Сложность представляет идентификация растения в целях поиска соответствия в научной ботанической номенклатуре и точного соотнесения с обозначаемым в словарной статье. Непростыми являются и сами условия сбора материала в короткий сезон цветения растений, когда проще их опознавать и информантам, и исследователям [10, с. 17].

Материалом исследования послужил полевой материал, собранный автором в селениях Кайтагского (сс. Санчи, Джавгат, Карацан), Дахадаевского (сс. Уркарах, Ашты, Амух), Агульского (с. Чираг) районов во время полевых экспедиций в 80–90-е гг. XX в. Для идентификации растений проводились консультации с учителями-биологами.

Часть названий растений – народные описательные, отражающие наивную картину мира носителей языка.

Методы, использованные в ходе выполнения данной работы, включают: приемы структурно-семантического и сопоставительного анализа и антропологически ориентированного описания слов и их классификации. Используются приемы сплошного отбора лексики; задействован сравнительный метод для выявления сходств и различий между отдельными диалектными названиями.

В растительной лексике даргинского языка представлена большая часть сложно-структурных образований, что свидетельствует об отражении внешнего мира близко к его наивной картине.

Разнообразны способы номинации и происхождения фитонимической лексики даргинского языка. При образовании наименований растений наиболее востребованными оказались следующие признаки: особенность внешнего вида, свойство растения, способ применения/назначение, место произрастания. Это обстоятельство говорит об ориентированности наименований на личность, о подчеркнутой их антропоцентричности. «Антропоцентрический подход к слову, связанный с восприятием его человеком, носителем языка, высветил еще одно, важнейшее свойство слова на основе осознания носителем языка взаимообусловленности звучания и значения лексической единицы, т.е. ее мотивированности» [12, с. 30].

С лексико-грамматической точки зрения номинация фитонимов в даргинском языке осуществляется путем описания доминантных признаков.

Словообразовательный анализ фитонимической лексики выявил структурные особенности фитонимов, с учетом которых они были разделены на две группы: однословные (простые и сложные) и составные наименования. К группе однословных номинаций нами были отнесены фитонимы, образован-

ные путем заимствования и словообразования, к группе составных наименований – фитонимы, состоящие из двух и более лексических компонентов.

Среди простых названий фитонимов представлены вторичные (производные) значения, возникшие вследствие переноса наименования с одного предмета, явления, признака на другой: *буслус* (муир. урк.) «шишки, образующиеся на кустах шиповника и имеющие снотворное свойство»; образовано от первичного *буслус* «соня», «человек, который много спит»; *анкIала* (хайд.) – те же шишки, образовано от первичного названия «сон»; *черчерекки* (хайд.) «хвощ полевой», букв. «лопасти»; названы по сходству листьев растения с лопастями вентиляторов, турбин; *хургъи* (урк.) «колючки, цепляющиеся за одежду», «шишки сорного растения», букв. «собаки» от *хэ* «собака»; *ирцIли* (хайд.), *урцIли* (муир., урк.) букв. «серьги» – «соцветия орешника», ольхи и т.п. *ИрцIли* в хайдакском диалекте называются также пучки плодов черешни, вишни, кизила и т.п. Первичное значение слова, возникшее для обозначения чего-либо и служащее для этой цели непосредственно – это прямое значение. Вторичные (производные) значения, возникают вследствие переноса наименования с одного предмета, явления, признака на другой.

Простым соположением основ образованы многие фитонимы-композиции, например, *гIарцицицици* «бодяк» букв. метка+колючка. *ПIарцици* в хайдакском диалекте имеет еще значение «отметина», «метка»; *агина-гина* (санч.) «бодяк» – значение компонентов затемнено (хотя второй компонент *-гина* – ограничительная частица: *ду-гина* «только я»; *цай-гина* «только он»); *ччиччи-пIапа* (хайд.) «примула» – от детских слов *ччиччи* «мясо» + *пIапа* «хлеб» (т.е. съедобное); *кур кIа* (хайд.) < *кур* «яма + *кIа* «лист» букв. «ямы лист» (использовали для обшивки ям, в которых хранили зерно); *чIими кIар* (муг.) букв. *чIими* «хвост» + *кIар* «трава»; *бурхIли кIар* (муг.) «трава, увеличивающая надой молока», букв. *бурхIли* «вымя» + *кIар* «трава».

Среди них выделяются названия, первый компонент которых **существительное, обозначающее животного или человека**: *хвэ миц* (хайд., муир.) «глухая крапива, яснотка» < *хвэ* «собака» + *миц* «крапива»; *хвэ мицIли* (хайд.) «красный боярышник» < *хвэ* «собака» + *мицIли* «боярышник»; *ирчи кIар* (хайд.) «пастушья сумка» < *ирчи* «конь + *кIар*» трава»; *ирчи кIа* (муир.) «пастушья сумка» < *ирчи* «конь» + *кIа* «лист»; *гIатIа кIа* (хайд.) «мать-и-мачеха», букв. «лягушка + лист»; *гIатIа кIуцIли* (муир.) «лягушка + ложки»; *цIикури жууже* (хайд. джиб.) «медуница» < *цIикури* «невеста» + *жууже* «цветок», *гурда улельа* (мург.) «вид земляники», букв. «лиса земляника».

Большое место занимают названия, имеющие структуру: имя в форме генитива с суффиксом *-ла* + имя в форме номинатива – словосочетания с **определением, обозначающим животного**: *имгIала цIанцици* (муир., урк.) «синеглазка» < *имгIала* (р.п.) < *имгIа* «осел» + *цIанцици* «колючка», букв. «осла колючка»; *жакIала кIарамжи* (хайд., Санчи), *жакIала кIабаржи* (хайд. джиб.), *жакIала кIабри* (муир.), *жакIала кIамжи* (чумл.) «колокольчик луговой» < *жакIала* (р.п.) < *жакIа* «кабан, свинья» + *кIарамжи/кIабри/кIамжи* (значение этих слов затемнено); *ккурттала вава* (муир.) «подснежник» < *ккурттала* (р.п.) < *ккуртта* «лиса» + *вава* «цветок»; *сикала зимерзи* (хайд.) «бузина лесная» < *сикала* (р.п.) < *сика* «медведь» + *зимерзи* «калина», букв. «медведя калина»; *бугIала кIар* (муг.) < *бугIала* (р.п.) < *бугIа* «бычок» + *кIар* «трава», букв. «бычья трава»; *гIвэриIа гIибэ* (хайд.) «земляной орех» < *гIвэриIа* (р.п.) < *гIвэри* «заяц» + *гIибэ* «клубни»; *гIарила супел* (мург.) «заячий ус» < *гIарила* (р.п.) < *гIари* «заяц» + *супел* «ус»; *чIаквала деква* «птичий хлеб» < *чIаквала* (р. п.) < *чIаква* «птица» + *деква* «хлеб».

В качестве первых компонентов таких терминологических словосочетаний изредка выступают **названия, обозначающие человека**: *гIункIяIа кIар* (муир.) «чина» < *гIункIяIа* (р.п.) < *гIункIя* «путник» + *кIар* «трава», букв. «путника трава»; *мирттала зизи* (амух.) «малина» < *мирттала* (р.п.) < *миртта* «всадник» + *зизи* «земляника», букв. «всадника земляника».

Описательные названия растений, в качестве первого компонента которых выступает прилагательное, **указывающее на цвет и вкус**: *цIуттара вава* (муир.) «душица», букв. «черный цветок»;

цIуба вава (муир.) букв. «белый цветок», (лат. *Matricaria*), (лат. *Matricaria chamomilla*) «ромашка»;

цIуба шуркь (урк.) букв. «белый ковыль», (лат. *Stipa*) биол. «ковыль»;

бухIутIа вава (муир.) букв. «желтый цветок», (лат. *Tanacetum vulgare*) биол. «пижма обыкновенная»;

хIанцIа жуужа (хайд.), *зэва вава* (муир.) букв. «синий цветок», (лат. *Veratrum lobelianum*) биол. чемерица Лобеля;

мижи кIа (хайд.) *мижила кIа* (муир.) букв. «кислый лист» «барбарис»;
мизи кьар (цуд.) букв. «сладкая трава», «медуница»;
кьанцIкка (хайд.) букв. «кислые листья», *цIикI хIэкли* (муир.) букв. «кислые лопухи» (листья) «щавель»;

бици мура (хайд.) букв. «вкусное сено», «пажитник сеной, анис»;
гIэва цIинхIэ (хайд.) букв. «жирная щирлица», биол. «лебеда».

Растение является источником концептуализации различных элементов растения – плодов, листьев, цветков, семян и т.д.

Наиболее характерным для даргинского языка является концептуализация через растение его плодов. В широком смысле слова концептуализация рассматривается как преломление в сознании человека окружающего его мира, существующих в последнем объектов, действий, состояний, связей и отношений между ними [13, с. 4–14].

Функционирование данной модели распространяется, в первую очередь, на фруктовые деревья и ягоды. Все производные термины представляют собой названия отдельных родов фруктов и ягод, но не названия видов (сортов) какого-либо одного рода. Последние, как было отмечено выше, являются составными названиями или, как их еще называют, терминами-словосочетаниями, как правило, двучленными и иногда многочленными. Главным определяемым компонентом в них выступают родовые названия фруктов, определения же являются самыми разнообразными по морфологической структуре простыми, сложными, производными) и по семантике (они могут быть названиями различных предметов, именами людей, названиями животных, названиями фруктов другого рода, прилагательными, причастиями).

Большая группа названий представляет собой словосочетания типа: имя нарицательное или собственное в форме абсолютива + имя в форме абсолютива. К ним относятся следующие номинации сортов фруктов:

АгьабегI хьар «АгабегI груша». Сорт, названный, как и многие другие, в честь выведшего (или выведшей) его. У хайдакцев встречаются сложные женские имена со второй частью *-бегI*: *ХамбегI*, *УгьланбегI*. Да и в ряде других названий, в которых определениями являются собственные имена, последние имеют формы абсолютива.

Бэмма хьар «Бамма+груша», *БэхIмуд хьар* «Бахмуд +груша», *ГIэбасбегI хьар* «АбасбегI +груша». По свидетельству исследователя М.-З.О. Османова, в с. Хаджалмахи встречается под названием *Абасбег хьар*, в с. Губден «*Абас хьар*».

Гьази хьар «Гази +груша», *Пайгьумар хьар* «Пайхамбар груша», названа по имени пророка; *Умалат хьар* «Умалат груша», *Антон гьинци* «антоновка» (яблоко), *Мирза гьинци* «Мирза+яблоко», чумл. *ГIэли хьар* «Али + груша», *ГIэхIмадкьади хьар* «Ахмедкади груша», *Мамаш хьар* «Мамаш груша», *Мэмма хьар* «Мямма груша», *ЯхIгьэ хIинцI* «Яхья яблоко», цуд. *Рабазан хьар* «Рамазан груша», *Ссудур хIинцI* «Судур + яблоко».

«Основным фактором, обуславливающим возможность осмысления части через растение, является степень номинационной потребности, возникающая как результат употребления той или иной части растения в пищу...» [14, с. 47].

Растение может служить источником для концептуализации других растений. Осмысление одного растения через другое возможно благодаря наличию естественных связей между ними – сходства внешнего вида, свойств, места произрастания и т.д. Например: *гарихьхьан хьар* «арбуз груша», *кьвэрчи хьар* «персик груша», *кьвэрчи кваркки* «персик абрикос», *кьурче курекка* «персик абрикос» (цуд.), «персик абрикос», *нар хьар* «гранат груша». Названия зафиксированы в с. Санчи Кайтагского района.

Хабарза хьар (джиб. *хабарзаг*), гул. *хабурзак хьар* «дыня + груша». Спелые плоды желтого цвета и сладкие, как дыни, да и запахом несколько напоминают дыни. *Памадур гьинци* «помидор яблоко». Плоды не имеют сходства с помидорами ни по форме, ни по цвету и вкусу.

Кьаркьа хьар «камень груша». Этот вид груши имеет очень твердую мякоть и зреет только поздней осенью. Распространен в Кайтагском районе. *Сика хьар* «медведь груша». Осенний сорт крупных груш, который хранится до глубокой зимы. Назван так за крупные размеры и бесформенные плоды. Старый, исчезающий сорт груш.

Гваца хъэр «мышь груша». Маленькая, в спелом виде серенькая груша с длинной плодоножкой. Метафоризация произошла из-за уподобления с мышью.

КампIумI гынци «конфета яблоко». Биологическое название «Наполеон». Очень сочное, сладкое, с мягкой мякотью яблоко.

Къабача гынци «шуба яблоко» (от дарг. *къабача* «особый вид шубы»). *Варгьи гIинц* (мург.) «бурка яблоко» (от *варгьи* «бурка»). *СэхIбат гынци* «торжество+яблоко», *хвэ гынци* «собака яблоко», *дуцца гынци* «лес + яблоко», *дуцца кваррки* «лес + абрикосы», *къар гымгьи* «трава+слива», плоды зеленые, цвета травы.

В чумлинском диалекте имеются следующие названия аналогичной структуры, отличающиеся от хайдакских: *Хукумат хъэр* букв. «государство+груша» – улучшенный селекционный сорт груш, ср. цудахарское: *совет хъэр* «совет+груша».

Урхаб хъэр «мельница груша», *цIулхIэ хъэр* «хлеб + груша», *сунтура хъэр* «бузина + груша», *истак хъэр* «красавица + груша», *хIали хъэр* «жир + груша», *шахха хъэр* «гной + груша», *жакья хъэр* «свинья+груша», *лекъур хъэр* «ликер груша» (от рус. ликер), *дуцруб хъэр* «мед груша» (*дуцруб* «фруктовый мед»), *къвэчча гIинц* «лепешка яблоко», *лэпти гIинц* «ухо яблоко», *кквэгI+гIинц* «запах яблоко», *бэчуч гIинц* (ласкательное название коровы + яблоко), *глебей хъэр* (значение определения неясно + груша), *хIунIия* «китайское яблоко» (значение слова неясно).

В цудахарском диалекте даргинского языка зафиксированы следующие названия структуры: имя в абсолютиве + имя в абсолютиве, не встречающиеся ни хайдакском, ни в чумлинском диалектах: *миг хIинц* «лед яблоко», *ишиша хIинц* «бутылка яблоко», *бихъне хIинц* «осень яблоко», *къэду хIинц* «мушка яблоко», *гъани хIинц* «весна яблоко», *бихъне хъэр* «осень груша», *мангъуш хъэр* «глашатай груша», *кур хъэр* «яма груша», *ишиша хъэр* «бутылка груша», *чикар хъэр* «сахар груша», *совет хъэр* «совет груша» (современная), *хIэма хъэр* «осел груша», *бухари курекка* «Бухара + абрикос», *чикар курекка* «сахар + абрикос», *базар курекка* «базар курага», *къурче курекка* «персик абрикос», *кIана курекка* «платок абрикос» и т.д.

Другую значительную группу составляют названия – словосочетания модели: имя в форме генитива с суффиксом *-ла* + имя в форме абсолютива. В хайдакском диалекте зафиксированы следующие наименования: *багъла хъэр* «груша сада», от кум. *багъ* «сад»; *жинсла хъэр* букв. «породистая груша», т.е. селекционная, гибридная, от слова *жинс* «род, порода»; *ихъралла хъэр* досл. «груша виноградников». Определение произошло от множественного числа слова *ахъ* «виноградник» – *ихъри* «виноградники». *ХIэжла хъэр* «груша хаджа», *базалла гынци* «яблоко базара», *мешела гынци* «яблоко Миши», *хъвайхвала гынци* «яблоко Кайхи» (Кайха – мужское имя), *аскандалла хъэр* «груша Аскандара», *чупанна хъэр* «груша Чупана», *меймуна хъэр* «груша обезьяны», *накавла гынци* «яблоко Накава».

В цудахарском и чумлинском диалектах этот тип названий не распространен. Нами записано только одно такое название в чумлинском говоре муиринского диалекта: *дукбалла хъэр* «груша молотьбы» от мн. ч. слова *дек* «молотьба» – *дукби*.

Как в хайдакском, так и в других диалектах распространены названия – словосочетания типа: определение, выраженное прилагательным или причастием + имя в абсолютиве. Определения – прилагательные во многих случаях обозначают место произрастания или жителей населенного пункта: *къаттаган хъэр* «ущельевая груша». *Къаттаган* ← *къатти* «ущелье», «овраг» + суффикс прилагательных *-ган* (кан). *Къаттаган* называют нижнехайдакцы жителей сел, расположенных в ущелье реки *Хула эркI* (кум. *Уллучай*) «Большая река». Вид груши, произрастающей преимущественно в этих местах, также получил название *къаттаган*. Исходный гласный *и* в слове *къатти* в некоторых говорах (в санчинском) ассимилировался под влиянием суффиксального *-а*, а в некоторых сохранился *къаттиган*.

Табарассан хъэр «табасаранская груша». В форме Табасаран произошла метатеза слогов *-са* и *-ра*, суффикс прилагательных *-ан* совпал с исходным слогом определения. *Таркама хъэр* «Терекеме груша», завезена из терекемейских сел.

Название *хайдакъан хъэр* «хайдакская груша» распространено во многих диалектах. Здесь, как и в предыдущих случаях, произошло расширение семантики слова *хайдакъан* «кайтагец», «житель Кайтага» (от названия *хайдакъ* + суф. *-ан*).

Чуллан хъэр «чумлинская (дербентская) груша». Город Дербент прежде в народе называли *Чулли*: *Чуллан* ← *Чулли* + *ан* «житель Чулли», *чуллинец* – «житель Дербента». При образовании прилагательного исходный гласный *и* в основе имени выпадает.

ЧивхIян хъэр «джибахнинская груша». *ЧибяхIни* в русской транскрипции «Джибахни» – название одного из нижнехайдакских селений. Основное значение прилагательного-субстантива *чивхIэн* – джибахнинец, житель Джибахни. Образовано от названия села *ЧибяхIни* + суф. *-эн*. При этом произошли следующие фонетические процессы. Конечный слог *-ни* производящей основы выпадает, губно-губной согласный «б» замещается губно-зубным «в» – в результате имеем *чивхIэн*, но и здесь гласный «э» в производящей основе выпадает для упрощения произношения. Но в хайдакской районной газете употребляют название другой структуры: *ЧибяхIни* + *-лан* → *чибяхIнилан*.

ГIэхIмалашан гынци «ахмедкентское яблоко». *ГIэхIмалашан* «житель Ахмедкента», «ахмедкентский». Название произошло от названия селения Ахмедкент: по-даргински *ГIэхIмала* ← *ГIэхIмадла* + *ши* «село» + *-ан* *гIэхIмалашан*. В основе *ГIэхIмад* финальный *-д* и в основе *ши* *-и* выпадают.

Чумлан хъэр (мург.) «чумлинская груша» < *чумл* + *ан* < с. Чумли.

Китайский гынци/китайскке гынци «Китайское яблоко». Первый вариант употребляют молодые, второй – пожилые. Русский суффикс *ск-* + окончание прилагательных *-ий* в хайдакском диалекте осваивается в следующем фонетическом облике: *-искке* – окончание заменяется звуком *э* перед суффиксом, представляющим стечения согласных, наращивается гласный *и* (как и в словах: стакан – *истакан*, старшина – *истарчин*), согласный *к* суффикса геминируется: например: германский – *германискке*, японский – *японискке*, советский – *советискке*.

Къубан гынци «кубинское яблоко» – один из распространенных видов в хайдакских (санчинских) садах, сохраняется до весны. Вероятно, прилагательное *къубан* образовано от названия города Куба Азербайджанской ССР: *Къуба* + *ан* → *къубан*. Здесь два гласных *а* сливаются в один.

Менее вероятно, но не исключена возможность, что определение *къубан* – это фонетическое освоение названия Кубань в хайдакском диалекте.

Существуют также названия: *шиниш къубан гынци*, *къанцI къубан гынци*, *ччэча къубан гынци*, соответственно «зеленое кубинское яблоко», «кислое кубинское яблоко», «лепешка кубинское яблоко». Нередко употребляются без определяемого слова *шиниш къубан*, *къанцI къубан*, *ччэчча къубан*. В данном случае прилагательное *къубан* субстантивируется и выполняет роль определяемого слова *гынци* «яблоко», в то же время сохраняя свое видовое значение, а определение выражает дополнительный признак.

Цутхъран гынци «цудахарское яблоко». *Цутхъран* «цудахарец», житель Цудахара. Произошло от названия села *Цудахъар* + суф. *-ан*. При этом произошло выпадение двух гласных *-а*-и и оглушение звонкого согласного *-д*- в производящей основе. В другие районы, видимо, проник из Цудахара.

Шилгъан пIэкIли «шилягинская черешня». Определение *шилгъан* образовано от названия с. *Шилагъи* «Шиляги» + суф. *-ан*.

Шан тIутIли «сельский виноград». Название зафиксировано в джавгатском говоре хайдакского диалекта. *Шан* «сельский» производно от существительного *ши* «село» + *-ан*.

В следующих терминах-словосочетаниях определения, выраженные прилагательными, обозначают цвет, вкус, сочность или какой-либо иной признак данного сорта: хайд. *цIуба хъэр* (санч.) «белая груша», чумл. *цIуба хъэр*; цуд. *цIуба курекка* «белый абрикос», хайд. *цIэв бачIрум* (джавг.) «белая черешня», *цIэв пIэкIли* (санч.), *цIэв гынци* (джавг.) «белое яблоко», *цIэв тIутIли* (джавг.) «белый виноград», *къэбчIа тIутIли* (мург.) «кислый виноград», *зимир тIутIли* (мург.) «калина виноград», ср. хайд. *зимерзи* «калина».

Как видно из примеров, прилагательным «белый» определяется ряд разновидностей фруктов. Причем хайдакская форма прилагательного отличается от литературной, но в санчинском названии функционирует литературная форма. Вероятно, этот сорт вместе с названием проник из других даргинских селений (может быть из близлежащего селения Чумли, жители которого говорят на муиринском диалекте). А в остальных хайдакских названиях функционирует своя форма *цIэв* «белый» – краткая форма прилагательного *цIэвкai* «белый», *-кай* – суффикс прилагательных.

Хайд. *хъирхъ тIутIли* «черный виноград», *хъирхъ пIэкIли* (джиб. *бачIрум*) «черная черешня», цуд., чумл. *цIуттара тIутIли* «черный виноград». В этих названиях определение в хайдакском диалекте

представлено лексическим диалектизмом *хъирхъ*, представляющим собой краткую форму прилагательного *хъирхъкай* «черный».

Хайд. *хъаница хъэр* (санч.) «синяя груша», *хъацI гъимгъи* (джавг.) «синяя слива». В джавгатском прилагательном – *хъацI* произошло выпадение сонорного *н* и конечного гласного *-а*, который в говоре с. Санчи то сохраняется, то выпадает. В полной форме прилагательного гласный *-а* может выпасть, а может и сохраниться: *хъаницакай // хъаницкай*.

Хайд. *итлин гъинци* «красное яблоко», *итлин гъимгъи* «красная слива», чумл. *лэжи хлинтлина хъэр* «краснощекая груша». В хайдакской форме прилагательного *итлин* произошло упрощение путем выпадения звуков: фарингального *хI-* в начале, сонорного *н-* в середине и гласного *-а* в конце.

Чумл. *мури хъэр* «сладкая груша». Так называют в с. Чумли вид груши, который в хайдакском именуется *хабарза хъэр* «дыня + груша». В хайдакском же диалекте словосочетание *музи хъэр* «сладкая груша» обозначает любую сладкую грушу, но не определенный сорт груши.

Хайд. *кIургъан хъэр* (санч.), *кIурухъан хъэр* (джавг.), *кIурухан хъэр* (чумл.), *кIурихан хъэр* (мург.) – это сорт груш, который созревает поздней осенью, имеет мелкие, невкусные плоды, едят их в моченом виде. Определение *кIургъан* (*кIурухъан*, *кIурухан*) производно от существительного *кIвара//кIури* «глиняный сосуд большого размера для замачивания фруктов» и суффикса *-ан* с огласовкой: *-гъ-ан*, *-хъ-ан*, *х-ан*.

Хайд. *шинчча хъэр*, пуд. *шинцие хъэр* «водная, водянистая груша». В определении выделяется основа *шин* «вода» и суффиксы *-чча*, *-цие* – редкие непродуктивные суффиксы в этих диалектах.

Хайд. *гъэрбар гъинци* «гремящее яблоко». В чумлинском говоре ему соответствует *хлинтлина вкъэрай* «красное гремящее (яблоко)», в цудахарском *зэйкъу хлинц* «звнящее яблоко». Во всех трех названиях определения выражены разными прилагательными. Хайдакская форма образована от звуко-подражательного существительного *гъэр* «глухой звук».

Некоторые народные названия растений содержат в своей семантической структуре сакральный смысл. В некоторых случаях первый компонент названия обозначает **мифическое существо** и имеет форму генитива: *вайикла къама* (хайд.) «белена» < *вайикла* (р.п.) < *вайик* «дьявол» + *къама* «конопля», букв. «дьявола конопля», имеет одурманивающее свойство. Сакральный смысл может быть закреплен во внутренней форме наименований. Лексема *шайтан* «чёрт» в составе фитонимов, указывающая на связь с нечистой силой, имеет негативную окраску и указывает на токсичное воздействие растения на организм человека. Метафорическое сравнение растений с нечистой силой может быть мотивировано условиями или местом их произрастания. *Шайта къанIа* «гриб», *шайтIа къанIа* (муир.) «гриб» < *шайтIа* (р.п. – усеченная форма) < *шайтIан* «черт» + *къанIа* «ушанка», букв. «черта ушанка»; *шайтIа тилпун* (муир.) «заразиха подсолнечная», «повелика» < *шайтIа* (р.п.) < *шайтIан* «черт» + *тилпун* «телефон».

Название *алжана хъэр* «рай + груша». Этот сорт вкусных летних груш распространен в Кайтагском районе (в сс. Санчи, Чумли). В названии также вложен сакральный смысл: вкусные, подобные райским груши.

Фактором, определяющим вероятность реализации семантического варианта «плод растения» является степень номинационной потребности, обусловленная съедобностью плодов (непосредственно или в виде приправы), а также возможностью использования плодов для приготовления чего-либо (блюда, лекарственного препарата).

Таким образом, фитонимия как один из фрагментов наивной языковой картины мира включает в себе этнокультурную информацию, отражающую народное восприятие растительных реалий, их аксиологическое и стереотипное осмысление. Разнообразны способы номинации и происхождения фитонимической лексики даргинского языка. При образовании наименований растений наиболее востребованными оказались следующие признаки: особенность внешнего вида, свойство растения, способ применения/назначение, место произрастания. Это обстоятельство говорит об ориентированности наименований на личность, о подчеркнутой их антропоцентричности.

Дальнейшее исследование флористической лексики и полученные результаты расширят материальную базу для сравнительного изучения даргинского, дагестанских и кавказских языков, могут найти применение в практике преподавания дагестанских языков, для составления различного рода словарей, для сравнительного и сопоставительного исследования лексики дагестанских языков, а также при напи-

сании студентами курсовых и дипломных работ. Результаты научных разысканий могут быть использованы в курсе лексикологии, при изучении отраслевых терминосистем, в частности наименований объектов растительного мира даргинского и других дагестанских языков. Флористическая (фитонимическая) лексика может быть востребована для составления этимологического словаря даргинского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коновалова Н.И. Народная фитонимика как фрагмент языковой картины мира. Екатеринбург: Изд-во Дома учителя, 2001. 150 с.
2. Темирбулатова С.М. Названия фруктовых деревьев и их плодов в некоторых диалектах даргинского языка. // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала, 1989. С. 51–59.
3. Муталов Р.О., Темирбулатова С.М. Названия некоторых съедобных растений в даргинском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала, 1989. С. 130–138.
4. Темирбулатова С.М. Отраслевая лексика даргинского языка. Махачкала, 2008. 450 с.
5. Оцомиева-Тагирова З.М. Семантическое поле термина «Местная флора» в аварской топонимии // Вопросы современной дагестанской лексикологии и лексикографии : сб. ст. / Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского НЦ РАН. Вып. II. Махачкала, 2022. С. 37–41. DOI 10.33580/9785002121700_37
6. Оцомиева-Тагирова З.М. Ментальный образ природы в аварской топонимии // Успехи гуманитарных наук. 2022. № 12. С. 99–103. EDN JTEUS.
7. Оцомиева-Тагирова З.М. Фитонимы аварского языка: из опыта собирания и лексикографирования // Вестник Дагестанского научного центра. 2024. № 92. С. 121–125. DOI 10.31029/vestdnc92/13. EDN EYJIV.
8. Оцомиева-Тагирова З.М. Топонимизированные дендрофлорические апеллятивы в аварском языке // Вестник Дагестанского научного центра. 2024. № 95. С. 130–133. DOI 10.31029/vestdnc95/20. EDN KBVQRH;
9. Алиева З.М. Отраслевая лексика чамалинского языка: словообразовательная структура некоторых названий деревьев и кустарников // Современное историческое и филологическое кавказоведение: состояние, проблемы, перспективы: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию ИИАЭ – ИЯЛИ ДФИЦ РАН. Ч. II. Махачкала, 2024. С. 33–37.
10. Лукьянова И.В. Диалектная фитонимика в когнитивно-ономасиологическом аспекте. Томск, 2018. 155 с.
11. Блинова О.И. Мотивология и ее аспекты. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2003. № 277. С. 29–32.
12. Блинова О.И. «Словарь фитонимов Среднего Приобья» как источник диалектной мотивологии // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 2 (3). С. 14–23.
13. Залевская А.А. Некоторые вопросы отображения реальности у пользователя языком // Реальность, язык и сознание. Тамбов, 1999. Вып. 1. С. 4–14.
14. Василенко О.И. Концептуализация мира растений как результат деривации фитонимов // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. № 3(3) : в 3 ч. Ч. 1. С. 46–48.

Поступила в редакцию 30.06.2025 г.
Принята к печати 30.09.2025 г.

***

Темирбулатова Сапияханум Муртузалиевна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; e-mail: sapiiakhanum@mail.ru

Sapiyakhanum M. Temirbulatova, Doctor of Philology, main researcher, Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Federal Research Centre of RAS; e-mail: sapiiakhanum@mail.ru